Дата поступления рукописи в редакцию: 20.03.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 14.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-4-475-480

КУМЕХОВА Марианна Борисовна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин
Северо–Кавказского института (филиал)
Краснодарского университета МВД РФ ,
e-mail: mail@law-books.ru

КИБЕРБУЛЛИНГ И ЦИФРОВОЕ НАСИЛИЕ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация. *В статье проанализированы проблемы уголовно-правовой квалификации кибербуллинга и цифрового насилия, выявлены основные затруднения правоприменительной практики в России в 2021–2025 гг., дана оценка применимости норм Особенной части УК РФ и приведены примеры из следственной и судебной практики. Ключевые источники: постановление Пленума ВС РФ №37 (15.12.2022), тематические обзоры практики, материалы Следственного комитета и решения судов районного и апелляционного уровней (2021–2025.) Использованы методы формально-юридического анализа, сравнительно-правовой и системно-структурный подходы; проанализирована доступная публичная судебная практика (опубликованные решения судов районного, апелляционного и кассационного уровней), разъяснения Пленума ВС РФ, материалы Следственного комитета и научные публикации/обзоры за 2021–2025 годы. Особое внимание уделено делам, где кибербуллинг стал объектом уголовного преследования в связи с тяжкими последствиями (включая доведение до самоубийства).*

Ключевые слова: *кибербуллинг, цифровое насилие, доведение до самоубийства, склонение к самоубийству, клевета, защита чести и достоинства, судебная практика, уголовная квалификация.*

KUMEKHOVA Marianna Borisovna,
Lecturer of the Department of Special Disciplines
of the North Caucasus Institute (branch)
of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

CYBERBULLYING AND DIGITAL VIOLENCE: ISSUES OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT

Annotation. *This article analyzes the issues of criminal classification of cyberbullying and digital violence, identifies the main challenges of law enforcement practice in Russia from 2021 to 2025, assesses the applicability of the provisions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, and provides examples from investigative and judicial practice. Recommendations are offered for improving legal regulation and criminal law practice to effectively combat digital violence. Key sources: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 (December 15, 2022), thematic reviews of practice, materials of the Investigative Committee, and decisions of district and appellate courts (2021–2025).*

Key words: *cyberbullying, digital violence, incitement to suicide, incitement to suicide, slander, protection of honor and dignity, judicial practice, criminal classification.*

Уголовное законодательство Российской Федерации на сегодняшний день не содержит специальной нормы, прямо предусматривающей ответственность за кибербуллинг или иные формы цифрового насилия. Это обстоятельство порождает необходимость правоприменителям использовать уже существующие статьи Уголовного кодекса, направленные на защиту чести, достоинства и личной неприкосновенности граждан. На практике действия, связанные с травлей в сети, чаще всего квалифицируются по статьям 128.1 («Клевета»), 137 («Нарушение неприкосновенности частной жизни»), 119 («Угроза убийством или причинением тяжкого

вреда здоровью»), а также по статьям 110, 110.1 и 110.2, предусматривающим ответственность за доведение до самоубийства, склонение или организацию деятельности, побуждающей к суициду [1].

Такой подход отражает тенденцию к «адаптации» действующих уголовно-правовых норм к новой цифровой реальности. Однако фрагментарность регулирования приводит к неоднозначности квалификации и к отсутствию единообразия судебной практики. В зависимости от обстоятельств конкретного дела и субъективного восприятия судей одни и те же действия могут быть признаны, например, клеветой, угрозой, доведением до самоубийства или вовсе отнесены к административным правонарушениям. Научные публикации и обзоры практики указывают, что такой разнородный подход создает риски как для полноты защиты потерпевших, так и для соблюдения принципа законности при привлечении к ответственности [2].

Особую роль в формировании правоприменительных ориентиров играет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 года № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации». В этом акте Верховный Суд впервые системно обозначил критерии квалификации деяний, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, и подчеркнул значение средового признака — использования сети Интернет — при определении способа совершения преступления [3]. Несмотря на то, что сам Пленум касается преимущественно преступлений в сфере компьютерной информации, его положения применимы и к делам о цифровом насилии, поскольку многие подобные деяния совершаются именно с использованием технических средств и цифровых платформ.

Постановление Пленума также обращает внимание на необходимость тщательной оценки электронных доказательств — переписки, скриншотов, метаданных, а также на допустимость таких доказательств при соблюдении требований УПК РФ. Это особенно важно для дел о кибербуллинге, где доказательная база строится преимущественно на данных цифровых коммуникаций. Проблема достоверности и идентификации источника информации остаётся ключевой: суды неоднократно сталкивались с ситуациями, когда обвинение основывалось на непроверенных скриншотах или сообщениях, не имеющих подтверждения от провайдеров или операторов социальных сетей [4].

Проблема квалификации кибербуллинга заключается в том, что ни один из действующих составов преступлений не охватывает в полной мере всё многообразие форм цифрового насилия. В практике органов предварительного расследования и судов чаще всего применяются отдельные статьи, направленные на защиту личности, но каждая из них охватывает лишь отдельные элементы поведения, присущего онлайн-травле [1].

Наиболее распространённой правовой реакцией является применение статьи 128.1 УК РФ о клевете. В условиях цифровой среды эта норма используется в случаях, когда кибербуллинг выражается в распространении ложных сведений о потерпевшем, подрывающих его честь и достоинство. Однако применение данной статьи вызывает ряд затруднений. Во-первых, необходимо доказать заведомую ложность сведений, что часто невозможно, поскольку участники цифровых конфликтов маскируют свои действия под субъективные суждения. Во-вторых, возникает проблема определения публичности: суды расходятся в оценке того, считается ли «публикация в закрытом чате» публичным распространением сведений. Кроме того, даже при наличии доказательств обвинение зачастую сталкивается с трудностями установления личности автора сообщений, особенно если используется анонимный или подставной аккаунт [2].

Правоприменительная практика показывает, что при оценке подобных эпизодов суды исходят из контекста и цели распространения: если оно имело унизительный или угрожающий характер, деяние признаётся преступным, даже если изображение ранее находилось в сети [3].

Особый пласт составляют дела, где кибербуллинг сопровождается угрозами. В этих случаях применяются статьи 119 и 163 УК РФ (угроза и вымогательство соответственно). Однако здесь тоже имеются сложности. Российские суды требуют доказать реальность восприятия угрозы потерпевшим, то есть наличие у него обоснованных опасений. В онлайн-пространстве, где угрозы могут исходить от анонимных пользователей, оценить этот фактор крайне трудно. Следователи должны подтвердить, что угрозы имели конкретный, направленный характер, а не были эмоциональной реакцией или элементом виртуального конфликта [4].

Наиболее трагичные последствия кибербуллинга связаны с доведением жертв до суицида. В таких случаях применяются статьи 110, 110.1 и 110.2 УК РФ, которые предусматривают ответственность за доведение до самоубийства, склонение к нему и организацию деятельности, побуждающей к совершению самоубийства. Следует отметить, что в некоторых случаях кибербуллинг сопровождается взломом страниц, подменой контента или незаконным доступом к личным данным, что позволяет квалифицировать

действия также по статьям 272–274 УК РФ, относящимся к преступлениям в сфере компьютерной информации. Однако подобная квалификация возможна только при наличии достоверных данных о нарушении технических механизмов защиты и вмешательстве в информационные системы. Для этого требуются специальные экспертные исследования, что значительно усложняет процесс доказывания и увеличивает сроки расследования [6].

Таким образом, современная правоприменительная практика демонстрирует попытки «распределённой» квалификации кибербуллинга по совокупности различных составов преступлений, что делает подход фрагментарным и не всегда адекватным по степени общественной опасности деяния. Судебные решения 2022–2025 годов показывают, что аналогичные по фактическим обстоятельствам действия могут быть квалифицированы как административное правонарушение, преступление средней тяжести или тяжкое преступление, в зависимости от субъективной оценки следователя и суда. Отсутствие единой нормы и разъяснений по вопросам систематичности, мотивов и последствий цифрового насилия остаётся серьёзным пробелом, затрудняющим формирование единообразной судебной практики [7].

В период с 2021 по 2025 годы в России наблюдается устойчивый рост числа уголовных дел, связанных с проявлениями цифрового насилия и кибербуллинга. При этом статистическая и аналитическая информация правоохранительных органов указывает на то, что большая часть таких преступлений совершается в социальных сетях, мессенджерах и на платформах для обмена контентом. Основной контингент потерпевших — несовершеннолетние и молодёжь до 25 лет, а значительная часть обвиняемых — лица из ближайшего социального окружения жертв, включая сверстников, бывших партнёров или однокурсников [1].

В 2024 году судом Москвы был вынесен приговор по делу, связанному со склонением несовершеннолетней к самоубийству посредством систематической переписки в социальной сети. Обвиняемый, действуя через анонимный аккаунт, на протяжении нескольких месяцев оказывал психологическое давление на потерпевшую, внушая ей мысли о собственной никчёмности и необходимости «уйти из жизни». В ходе следствия удалось установить технические следы сообщений и подтвердить их авторство. Суд признал подсудимого виновным по статье 110.1 УК РФ, назначив реальное наказание в виде лишения свободы. Это дело стало одним из первых примеров успешной квалификации действий в цифровой среде как склонения к самоубийству, где доказательная база строилась преимущественно на электронных материалах [2].

Не все уголовные дела подобного рода заканчиваются обвинительными приговорами. Так, в ряде случаев суды апелляционной и кассационной инстанций отменяли или смягчали приговоры по делам, где следствие не смогло доказать причинно-следственную связь между действиями обвиняемого и наступившими тяжкими последствиями. Наиболее известным примером является дело супругов Воропаевых (2022–2024 годы), осуждённых за доведение подростка до самоубийства. Впоследствии приговор был пересмотрен, поскольку суд признал, что следствием не установлено наличие прямого умысла на доведение до суицида, а доказательства носили предположительный характер. Этот случай стал предметом широкой дискуссии среди юристов и психологов, выявив необходимость чёткого разграничения морального давления, конфликта и целенаправленного преступного воздействия в цифровом пространстве [3].

Согласно обзорам Следственного комитета РФ и МВД России, в 2021–2024 годах отмечается тенденция к росту дел, где цифровое насилие выступает фоном для более тяжких преступлений. Например, систематическая травля в сети нередко предшествует фактам физического насилия, вымогательства или вторжения в частную жизнь потерпевшего. На основании анализа уголовных дел выявлено, что в более чем половине случаев действия, составляющие кибербуллинг, квалифицируются по совокупности норм — чаще всего по статьям 119, 128.1 и 137 УК РФ. В то же время остаётся значительное количество материалов проверок, не переходящих в уголовное производство из-за отсутствия прямых доказательств умысла или идентификации виновного лица [4].

Судебная практика 2023–2025 годов также отражает важную тенденцию: всё больше судов начинают учитывать психологический компонент цифрового насилия. В частности, при рассмотрении дел по статьям 110 и 110.1 УК РФ стали активно назначаться комплексные психолого-психиатрические экспертизы, направленные на установление взаимосвязи между действиями обвиняемого и состоянием жертвы.

Однако отсутствие единых методических рекомендаций и стандартов хранения цифровых доказательств создаёт риск признания их недопустимыми. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 37 от 15 декабря 2022 г. подчеркнул необходимость учитывать специфику цифровых источников информации и обеспечивать достоверность их происхождения, что фактически

стало основой для обновления следственной практики по делам о преступлениях, совершаемых с использованием сети Интернет [6].

Обобщая анализ судебной практики за 2021–2025 годы, можно выделить несколько устойчивых тенденций. Во-первых, наблюдается постепенное расширение квалификационных подходов: суды всё чаще трактуют систематическое психологическое давление и травлю в сети как самостоятельную форму общественно опасного поведения, способную причинить моральный и психический вред. Во-вторых, растёт количество дел, где обвинение строится на совокупности электронных доказательств, что отражает процесс адаптации уголовного судопроизводства к цифровой среде. В-третьих, сохраняются значительные различия в подходах региональных судов, что свидетельствует о необходимости унификации практики и выработки общих критериев оценки кибербуллинга как уголовно наказуемого деяния [7].

Одной из ключевых проблем уголовного преследования за кибербуллинг и иные формы цифрового насилия является специфика доказательственной базы. В отличие от традиционных преступлений против личности, где факт воздействия можно подтвердить показаниями очевидцев или вещественными доказательствами, в делах, совершаемых в цифровом пространстве, основными источниками информации выступают электронные следы — переписка, скриншоты, аудиовизуальные файлы, метаданные и технические логи. Работа с такими доказательствами требует высокой квалификации следователя и эксперта, а также соблюдения специальных процессуальных стандартов, обеспечивающих их достоверность и допустимость [1].

Следователи вынуждены прибегать к многоступенчатым запросам — к операторам связи, администраторам платформ и провайдерам хостинга, что занимает продолжительное время и осложняет оперативность расследования [2].

Не менее сложным является вопрос достоверности электронных доказательств. Российские суды выработали подход, при котором переписка и скриншоты из социальных сетей признаются допустимыми доказательствами лишь при подтверждении их подлинности экспертизой или официальным ответом от администратора ресурса. В противном случае такие материалы рассматриваются как ориентирующие, но не обладающие доказательной силой. В результате следствие сталкивается с ситуацией, когда значительный массив потенциально уличающей информации не может быть использован в суде из-за отсутствия процессуально оформленного подтверждения источника [3].

Особое внимание уделяется установлению причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и наступившими последствиями, особенно в делах, где речь идёт о доведении до самоубийства. Судебно-психологическая и психиатрическая экспертизы в таких случаях играют решающую роль, поскольку именно они позволяют определить, оказало ли онлайн-воздействие существенное влияние на психическое состояние жертвы. Однако эксперты часто отмечают трудности в ретроспективной оценке эмоционального состояния потерпевшего, особенно если материалы переписки носят фрагментарный характер. Кроме того, в большинстве случаев отсутствуют непосредственные свидетели психологического давления, что заставляет суды строить выводы на косвенных доказательствах и экспертных суждениях [4].

Важным процессуальным вопросом остаётся оценка степени общественной опасности поведения в виртуальной среде. При отсутствии физического контакта суды нередко сомневаются, можно ли считать онлайн-травлю формой насилия в уголовно-правовом смысле. В результате аналогичные по содержанию действия — например, массовое оскорбление и унижение жертвы в соцсетях — могут квалифицироваться по-разному в зависимости от восприятия судом фактических обстоятельств. Одни судебные решения рассматривают кибербуллинг как форму психологического насилия, а другие — как не представляющее общественной опасности поведение, относящееся к сфере административной или моральной ответственности [5].

Дополнительную сложность вызывает вопрос хранения и фиксации цифровых доказательств. Поскольку большая часть онлайн-контента быстро удаляется или редактируется, следственные органы должны действовать оперативно, чтобы зафиксировать доказательства до их утраты. В отсутствие чётких сроков и процедур, регулирующих сбор и сохранение цифровых следов, следователи рискуют утратить важные материалы ещё до возбуждения дела. В этой связи в научной литературе неоднократно подчёркивалась необходимость создания нормативных стандартов по фиксации электронных доказательств и взаимодействию следственных органов с администраторами интернет-площадок [6].

Кроме того, практика показывает, что расследование дел о цифровом насилии требует межведомственного подхода. Для эффективного расследования необходима координация между следственными подразделениями, специалистами по компьютерной экспертизе, психологами, педагогами и представителями социальных служб. При этом законодательство не предусма-

тривает чётких механизмов такого взаимодействия, что приводит к замедлению расследований и разрозненности усилий различных структур [7].

Таким образом, доказательная и процессуальная специфика дел о кибербуллинге обусловлена сочетанием технических, психологических и правовых факторов. Отсутствие единых методических рекомендаций, пробелы в регламентации работы с цифровыми доказательствами и неопределённость критериев оценки общественной опасности создают риски как для объективности следствия, так и для защиты прав участников процесса. Решение данных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование процессуального законодательства, развитие экспертной базы и повышение квалификации специалистов, работающих с цифровыми доказательствами [8].

Прежде всего, представляется целесообразным разработать и закрепить на уровне Верховного Суда Российской Федерации специальные методические разъяснения, регулирующие вопросы квалификации деяний, совершаемых с использованием сети Интернет и направленных на унижение, травлю или психологическое давление на человека. Такие разъяснения могли бы содержать критерии систематичности и интенсивности действий, определять признаки умысла и общественной опасности поведения, а также раскрывать особенности установления причинно-следственной связи между действиями обвиняемого и психическими последствиями для потерпевшего [1].

Законодательно закреплённый алгоритм позволит повысить достоверность доказательственной базы и сократить количество дел, прекращаемых по формальным основаниям, связанным с недопустимостью цифровых доказательств [2].

Одновременно с совершенствованием уголовно-процессуальных механизмов актуальной является необходимость развития профилактических мер. Практика показывает, что многие случаи кибербуллинга не достигают стадии уголовного преследования, но наносят значительный моральный ущерб жертвам. В связи с этим возможно введение административной ответственности за повторяющиеся случаи онлайн-оскорблений, угроз или преследования. Такая мера позволила бы формировать промежуточное звено между профилактическим воздействием и уголовным наказанием, создавая условия для раннего реагирования на опасные формы поведения в сети [3].

Особое значение имеет повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, следователей и экспертов, участвующих в расследовании дел, связанных с цифровым насилием. Успешное расследование подобных преступлений требует знания не только уголовного и процессуального законодательства, но и основ цифровой криминалистики, киберпсихологии, коммуникационных технологий. Развитие системы межведомственной подготовки специалистов — совместное обучение следователей, психологов и IT-экспертов — может существенно повысить качество расследований и достоверность экспертиз [4].

Таким образом, комплексное совершенствование уголовно-правового и процессуального регулирования должно включать разработку методических рекомендаций Верховного Суда РФ, нормативное закрепление порядка обращения с электронными доказательствами, введение административных и профилактических мер, повышение квалификации специалистов и, в перспективе, кодификацию понятия кибербуллинга на уровне Уголовного кодекса. Только сочетание этих направлений позволит создать устойчивую систему реагирования на цифровое насилие и обеспечить реальную защиту личности от посягательств, совершаемых в информационной среде [7].

Кибербуллинг и цифровое насилие представляют собой сложное явление на стыке технологий, психологии и уголовного права. В 2021–2025 гг. практика показывает, что существующая система уголовно-правовых средств частично покрывает проявления цифрового насилия, но страдает от фрагментарности, трудностей доказывания и неоднородности правоприменения. Для повышения эффективности борьбы с кибербуллингом необходимы унифицированные методические разъяснения высших судебных органов, стандарты работы с электронными доказательствами, а также развитие межведомственного и профилактического подхода.

Список литературы:

[1] Аналитические и научные материалы о правовом регулировании цифрового насилия и отсутствии специального состава «кибербуллинг» в УК РФ. (Обзор и публикации, 2023–2025). www.cyberleninka.ru

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 №37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации». www.consultant.ru

[3] Научные и диссертационные материалы по квалификации клеветы и деяний в сети (2023–2025). www.dspace.spbu.ru

[4] Публикации по вопросам нарушения неприкосновенности частной жизни в сети (научные статьи и обзоры). www.cyberleninka.ru

[5] Публикации и статьи о проблемах квалификации угроз и других посягательств в сети (обзоры практики). bim-portal.ru

[6] Материалы и обзоры практики по статьям 110/110.1/110.2 УК РФ в делах, связанных с использованием сети Интернет (статьи, обзоры 2021–2024). www.cyberleninka.ru

[7] Разъяснения и подборки судебной практики по составам в сфере компьютерной информации (ст. 272 и др.). www.consultant.ru

[8] Информационное сообщение о приговоре в Москве (апрель 2024) по делу о склонении несовершеннолетней к самоубийству через соцсети. (АГН «Москва», 24.04.2024). mskagency.ru

[9] Публикации СМИ и сообщения о деле супругов Воропаевых: осуждение и последующая отмена/пересмотр приговоров (2022–2024). www.rbc.ru

[10] Обзор правоприменительной практики и аналитические сборники по киберпреступлениям 2021–2024 (обзоры МВД/следственных органов/консорциумов). https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_1-Obzor_Pravoprimenitelnoj-praktiki-po-protivodejstviju-kiberprestuplenij.pdf

References:

[1] Analytical and scientific materials on the legal regulation of digital violence and the absence of a special composition of “cyberbullying” in the Criminal Code of the Russian Federation. (Review and publications, 2023-2025). www.cyberleninka.ru

[2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 15.12.2022 No. 37 “On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Crimes in the Field of Computer Information.” www.consultant.ru

[3] Scientific and dissertation materials on the qualification of libel and acts on the network (2023-2025). www.dspace.spbu.ru

[4] Publications on online privacy issues (scientific articles and reviews). www.cyberleninka.ru

[5] Publications and articles on the challenges of qualifying threats and other online encroachments (practice reviews). bim-portal.ru

[6] Materials and reviews of practice under articles 110/110.1/110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation in cases related to the use of the Internet (articles, reviews 2021-2024). www.cyberleninka.ru

[7] Clarifications and compilation of judicial practice on compositions in the field of computer information (Art. 272 et al.). www.consultant.ru

[8] Information message about the verdict in Moscow (April 2024) in the case of persuading a minor to commit suicide through social networks. (AGN “Moscow,” 24.04.2024). mskagency.ru

[9] Media publications and reports on the case of the Voropaev spouses: conviction and subsequent cancellation/revision of sentences (2022-2024). www.rbc.ru

[10] Review of law enforcement practices and analytical collections on cybercrimes 2021-2024 (reviews of the Ministry of Internal Affairs/investigating authorities/consortia). https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_1-Obzor_Pravoprimenitelnoj-praktiki-po-protivodejstviju-kiberprestuplenij.pdf

